

"ПОРТ ПРИПИСКИ" - ОЛЬХОВКА

Все, мучительно-долгие восемь лет мотания срока в глухом таёжном северном краю, Судаков думал об этом дне, последнем дне нахождения за колючей проволокой, за зарешёченными окнами барачных тюремных казематов, на охраняемых солдатами внутренних войск лесных делянках и, в то же время, первом дне свободы. Этот день по дате выхода из заключения, из так называемых мест не столь отдалённых, приходился на июль и рисовался в его воображении солнечным, тёплым, без единого облачка на бирюзово-голубом небе. Ему казалось, что сама природа должна была всеми своими атрибутами создать начинающему новую жизнь экс-сидельцу праздничную обстановку.

Да - мечталось, да - хотелось, но пока он отбывал назначенную гарнизонным судом восьмилетку, многое в жизни изменилось. И чем ближе подходило время окончания его тюремных злоключений, эйфория от ожидания долгожданной свободы куда-то стала пропадать - исчезать, а на месте её нежданно-негаданно объявилась тревога - ведь всё придётся начинать с начала, что в этот летний денёк наступит новая точка отсчёта его жизни. И это в канун его пятидесятилетия, когда время пребывания его на нашей брэнной земле, отпущенное господом богом, преодолело перевал и неуклонно катилось к неизменному своему окончанию. Да, трудно в такой период начинать всё с нуля.

* * *

А ведь как хорошо всё начиналось и складывалось прекрасно! Закончив с хорошими отметками сельскую среднюю школу в глубинке Костромской области, Сергей без особых усилий поступил в военно-морское училище, не менее успешно выпустился из него и был направлен на службу на Северный флот, в двадцатом веке самый мощный, самый крепкий, самый престижный и самый перспективный флот России. Здесь, в закрытом посёлке на скалистом берегу Баренцева моря, встретил он свою, как казалось, единственную, верную любовь - Оксану, одну из дочерей многодетной семьи отставного капитана первого ранга. Здесь же через год родился и сын его Сашенька, крепыш, весь в отца - деревенского молодца, как говорится - кровь с молоком. "Разводить нищету", как у тестя-родителя, молодожёны не решились и

ограничились одним ребёнком.

Трудные то были времена. Неуверенность во всём: сокращение на флоте, впрочем, как и в сухопутных войсках и авиации, отсутствие перспектив роста - Дамокловым мечом нависли над офицерским корпусом некогда второго в мире государства. Старые корабли шли на слом, а новые появлялись в единичных количествах и растекаясь-распыляясь по флотам и флотилиям, роста морской мощи молодому, новоиспечённому государству, преемнику Горбачёвым и Ельциным преступно-разваленного СССР, не давали. Многие офицеры, коллеги Судакова, уже всерьёз подумывали уходить на гражданку, флот уже не в состоянии был на должном уровне поддерживать благосостояние их семей, как в плане денежного довольствия, обеспечения достойным жильём, так и в снабжении сносным, что для Севера особенно важно, питанием и медицинским обслуживанием.

Сергею Михайловичу в общем-то везло, он ступенька за ступенькой осваивал флотские офицерские должности, сопровождаемые кадровым ростом. К своему сорокалетию он уже пятый год ходил в звании капитана третьего ранга и ожидал очередного повышения как в звании, так и в должности. Всё шло к тому, чтобы Судаков летом, после ухода в запас ряда командиров эскадренных миноносцев, занял бы место одного из них. А это уже дальнейшая прекрасная перспектива, безоблачная и безбедная. Пока же он занимал должность командира БЧ-3 на одном из старейших крейсеров, который принимал участие в боевых действиях ещё в годы Великой отечественной войны в Северной Атлантике, сопровождал северные конвои.

Вот тут-то, когда вроде бы всё сулило ему блестящее будущее и долгосрочную карьеру, и произошёл облом, крах всех его чаяний и надежд. Во время одного из немногочисленных учений, в его боевой части отказала состарившаяся, прогнившая электротехника. Возник пожар, в результате которого и при ликвидации ЧП погибли два матроса, а пятеро с тяжёлыми ожогами были отправлены в госпиталь. Дальнейшую судьбу пострадавших экс - капитан третьего ранга уже не мог знать, так как минобороновской комиссией и военной прокуратурой он был признан-назначен главным виновником ЧП на корабле. Заступничество офицерского состава базы не помогло. Мнение жителей посёлка, не понаслышке знавших на каких "ржавых банках" проходят службу их отцы,

мужья и сыновья, так же было проигнорировано. Раз есть трупы и тяжело пострадавшие, значит должно быть названо и конкретное виновное лицо. А ведь себя министерские адмиралы и правящие круги, фактические виновники, чьими "усилиями" был развален не только флот, но и государство в целом, виновными не признавали. Не будут же они сами себя наказывать, как пристно памятная унтер-офицерская жена, как бы высекшая сама себя. Чисто по-русски, всегда искали "козла отпущения". И нашли его в лице Сергея Михайловича Судакова. Восемь лет лишения свободы - таков был вердикт гарнизонного суда. Месяц спустя он прибыл к месту исполнения наказания, в один из глубинных лагерей "солнечной" Коми-республики, что в двухстах верстах от известной всем зэкам станции Микунь, бандитско-воровской столицы знаменитого в сталинские времена Коми-ГУЛАГ-а.

Грезивший с детства о военно-морской карьере сын Александр был вынужден расстаться со своею мечтой - препятствовала судимость отца. Дело-то было весьма резонансное. В поступлении в Военно-морское училище ему было отказано. Обиженный на все и вся юноша по окончании средней школы подался "покорять" столицу. Спервоначала изредка позванивал матери, дескать жив-здоров, чего и вам желаю. Конкретно о себе - ни слова: где и чем живёт, чем занят ей не докладывал, отделяваясь общими, стандартными фразами. А потом и вообще пропал: ни звонков, ни писем, ни иных каких-либо весточек.

Что касается Оксаны, то она - вечная домохозяйка, ни одного дня не работавшая (негде было), оставшись в одиночестве, практически без средств к существованию, ничего не нашла лучшего, как заочно развестись с мужем и выйти вторично замуж за вдовца - офицера, коллегу-сослуживца Сергея. Иных вариантов она не видела. А, честно говоря, что ей оставалось делать при сложившихся против неё обстоятельствах? Ехать было некуда: стаж нулевой, специальности - никакой. Средняя школа вот и всё её образование. Да и возраст уже давал о себе знать. Родни, у которой можно было какое-то время перекантоваться в иных городах и весях тоже не было. Снова сесть на шею отца-пенсионера - совесть не позволяла, со своим многочисленным семейством он и так еле-еле сводил концы с концами. Некогда дружная и крепкая семья Судаковых окончательно и бесповоротно распалась.

Оксана сразу же известила Сергея о предпринятых ею действиях

и запросила на всякий случай его письменное согласие на развод. Судаков тотчас же без колебаний дал его. И в этот день он понял чётко и ясно, что с прошлым покончено раз и навсегда и возврата к нему уже не будет никогда.

Удар за ударом стойчески принимал на себя и переносил Сергей Михайлович. А что ещё ему оставалось делать, когда всё в его жизни, говоря по-русски "накрылось медным тазом"? Он ведь теперь становился бесперспективным и не ведущим, как во время службы, а ведомым, то есть зависимым, причём, от всего и вся. Выйдет он из "зоны", а дальше что? Кому он нужен, и где он может быть в какой-то мере востребован с единственным документом - справкой об освобождении, со своей подмоченной репутацией? Да и жизнь в стране пошла совершенно иная, непредсказуемая, трудно в ней в его-то возрасте будет разобраться и хоть как-то адаптироваться, особенно в городах. Оставалось одно - вернуться на свою малую родину, в глухую костромскую деревеньку и попробовать начать второй этап своей жизни в том месте, где, как говорится, резали ему пуповину. Судьба возвращала его к своим истокам. А чем он там займётся - жизнь покажет. Во всяком случае, кантуясь на зоне, в основном на лесоповале, он приобрёл для себя немало новых специальностей: работал и вальщиком леса, и его помощником, трактористом на трелёвке деревьев, водителем лесовоза, штабелёвщиком. Мог вести также и учёт древесины. Полный букет лесных профессий.

Но и по возвращении в родную Ольховку, здесь его ожидало одно весьма неприятное обстоятельство, существенное препятствие для его адаптации в своей деревне. Пока он отбывал свой срок умерли его родители, на помощь которых, особенно в первое время, он мог бы понадеяться. Увы и ах, даже на их похороны его непустили - закон не позволял. А что там в нынешней деревне сейчас делается, какие преобразования в ней происходят, чем заняты бывшие колхозники - он мог только догадываться. Правдивая информация за колючую проволоку не поступала, а своим "воспитателям" зэки особенно-то и не доверяли. Однако, решение Судаков принял однозначное - возвращаться в родные пенаты. Тем более, что со слов вновь поступающих заключённых, жизнь в городах шла совсем иная, нежели в прежние времена. Там было всё "схвачено" ловкими, наглыми бандюганами, в основном бывшими карьеристами - "комсомолятами", контролировавшими практически все сферы

деятельности. Царило двоевластие: весьма ослабленное государственное чиновничество с одной стороны и всё более и более набиравшие силу и мощь бандитские сообщества с другой. Причём друг другу они не мешали, более того, старались даже скооперироваться. Наезды, рейдерские захваты, делёжка всего, что можно было поделить, разборки, перестрелки, убийства - вот что принёс нашему многострадальному государству горбачёвско-ельцинский переворот. Честному, законопослушному россиянину места в такой жизни не было. Такие люди в основном и страдали от этих передраг, медленно, но верно опускаясь на самое дно нищеты...

* * *

И вот она, долгожданная свобода! В дождливый, вопреки его мечтам-ожиданиям, июльский денёчек (дождь вообще-то к счастью), после полудня, вышел из ворот учреждения под литерой ИК 344-44 красавец мужчина, да-да именно красавец, экипированный по современным меркам, с модной дорожной сумкой. Помогли прибарахлиться офицеры учреждения, с первых дней пребывания его за колючкой проникшиеся к нему своими симпатиями, понимавшие, что его на суде сочли крайним и не по степени его вины назначили срок, наказав тем самым, очень жестоко и несправедливо. Да и сам Сергей Михайлович, просматривая и просчитывая свою дальнейшую судьбу-перспективу, понимал, что ему нужно трудиться здесь в полную силу, чтобы иметь на выходе из зоны определённые сбережения, своеобразный стартовый капитал для начала нового этапа своей жизни. К слову сказать, при ударном труде на ведущих профессиях, зарплата на книжку здесь капала неплохая, и за восемь лет он накопил кругленькую сумму-состояние. Условно - досрочное освобождение Судакову не светило, уж больно суровой была его статья. От звонка до звонка, как говорится, оттрубил свой срок бывший военный моряк-офицер.

* * *

Поезда, автобус, и вот они последние, пешим ходом, семь километров от трассы М-88 до родного очага - отчего дома по полузаросшей кустарником и молодым хвойником дороге, по которой, судя по всему, автомобили и трактора ездят от случая к

случаю. Спустя полтора часа в наступающих сумерках ожидаемо показались крайние избы родного селения. Четверть века не бывал здесь Судаков, после окончания училища заглянувший в последний раз к родителям на недельку. Редкие отпуска офицеры Северного флота проводили с семьями в черноморских санаториях, поддерживая-поправляя своё здоровье. Суровый климат Заполярья давал о себе знать.

Ни огонька в окнах, ни дымка над печными трубами. Мёртвая тишина - ни бреха собак, ни мычания коров, ни звяканья вёдер у колодцев и подойников в хозяйственных постройках. Идя по деревенской улице, бросая по сторонам взгляды на дома, Сергей с недоумением отмечал развал и запустение: заколоченные досками крест на крест окна и двери во многих избах, вывалившиеся заборы, упавшие оградные столбы вместе с дверями. Тропинки к домам заросли ярко-зелёной травой-муравой, не смятой, а совершенно прямой, впрямь, как матросы в строю. Иные дома совсем вросли в землю, иные накренились так сильно, что казалось с них вот-вот съедет крыша. Ужас охватил бывшего во многих переделках моряка. Такого развала и запустения он не ожидал увидеть. - Как Мамай прошёл, - шептал он. - Это ж до чего же можно было так довести деревню-кормилицу. Рубят сук, на котором сидят, - негодовал он в адрес власть предержащих.

Полдеревни прошагал Судаков, пока, наконец-то увидел в одной из изб пробивавшийся в окна слабый свет керосиновой лампы. - Эх, мать твою так, даже электричества нет. Провода сняты, столбы упали. Чёрт-те что творится в глубинке. Полнейшая деградация. Натворили-намудрили долбаные наши перестройщики, поставили село на колени. Выживай как знаешь, милая наша, добрая деревня. Слава богу, что хоть кто-то ещё остался здесь. Как я тут буду жить? И вообще, смогу ли? Напрягши память, он вспомнил, что в этом доме проживал с многодетной семьёй Иван Никанорович Баранов, в своё время работавший скотником - животноводом на колхозной ферме.

- Ну, что ж, будет к кому зайти, а если пустят, то и переночевать, - подумал Сергей Михайлович, - ночь не за горами, нужно будет искать приют. Но в первую очередь нетерпелось осмотреть свой, ещё дедовской постройки, дом, находившийся в другом, ближе к полям, конце деревни. Вдруг он уцелел и пригоден для проживания.

Увы, и здесь его ожидало полное разочарование. Четыре дома, в

том числе и отчий, сгорели дотла, даже печи были кем-то разобраны, а кирпич явно вывезен жителями других деревень их округи. Огороды заросли бурьяном.

В тоске и печали побрёл Судаков обратно, на барановский огонёк. Поднявшись на крылечко, толкнул вовнутрь дверь. Заперто. Скромненько постучал. Тишина. Добавил громкости - эффект тот же. Подошёл к тускло освещённому окну, слегка побарабанил пальцем по стеклу. Занавеска чуть-чуть дёрнулась, отодвинулась, показалось старческое, заросшее бородой лицо.

- Кто там? - прошуршал вкрадчивый, чуток напуганный голос.
- Свои, Иван Никанорович!
- Своих мужиков в деревне нет, один я тут мужеского пола.
- Это я, Сергей, Мишки Сашкина сын. Моряк, если помнишь.
- Ишь ты, явился, едрить твою душу.

Спустя пару минут слышались шаркающие в сенях неспешные шаги. Затем щёлкнула-чикнула открываемая щеколда, зазвенел откинутый крючок, деревянно стукнул торцом об пол снятый запор.

- Да, - удивился Судаков, - крепко, как в крепости, забаррикадировался Никанорыч, не удивлюсь, если раньше его физиономии, выгянет из-за дверей наружу ружейный ствол. А ведь в пору моего детства запирали двери на ночь было делом постыдным, даже зазорным, порочащим честь и честность проживающей в доме семьи. А днём вообще приставляли к дверям веники-метёлки, извещавшие прихожий люд об отсутствии в доме хозяев. Ни воровства, ни разбоев, ничего подобного в деревнях отродясь не было. А тут?...

На пороге в одном исподнем появился - выплыл из потёмнок Иван Никанорович.

- Ты откуда, Серёга, явился? - насторожился дед, - слухи были, что ты на нарах паришься. Не сбежал ли ты часом оттуда? Много теперь разного народишка туда-сюда шлындает. Набедокурят в городах, а от властей, да от бандюганов, которым на мозоль наступили, в глухие деревни бегут. Типа нашей. Перекантуются какое-то время, поживут в бесхозной избе, а потом, как всё затихнет, опять на города уходят. А мы тут как на минном поле, боимся лишний шаг шагнуть. А попробуй - ка на них кому пожаловаться - убьют, глазом не моргнут. Им ведь, едино, что петуху голову отрубить, что человека зарезать. Такие вот сволочата по-пьяни вашу избу-то и спалили, а с ней вместе ещё четыре сгорели. А ведь могла

бы и вся деревня полыхнуть. Телефона у нас здесь нет - убрали, сказали за ненадобностью он вам здесь, вроде как неперспективная, мол, деревня ваша. Да, честно говоря, и работал-то он от случая к случаю. Месяцами порой молчал. Так что ни пожарку, ни милицию было не вызывать. Слава богу, как-то сам пожар унялся. Ветра не было, так на другой порядок огонь и не смог перекинуться. Да и пожарка-то где? - В райцентре, а до него тридцать вёрст с гаком.

- От лихих этих людишек теперь и запираемся на замки-запоры, боимся.

- Избу-то свою я уже видел, дедушко, точнее пепелище. Думал у себя остановлюсь. Ан нет. Нету больше дома-то нашего. Где бы мне, дорогой Иван Никанорович, ночь перемыкаться? А утро вечера мудренее, там что-нибудь и придумаю.

- Где-где, в Караганде. Ночуй уж пока у меня, ни гостиниц, ни домов колхозника у нас нет. А там видно будет. Завтра походишь по деревне, посмотришь, да и тягу, скорей всего, отсюда дашь. У нас тут как-будто хан Батый побывал.

- Марья, вздуй-ка самовар, гость тут у нас ныне объявился. Да горяченького чего-нибудь покушать сообрази. С дороги мужик-то, голодный поди-ка, -

заходя в избу распорядился дед.

- Да, всю дорогу всухомятку, - подтвердил Сергей, - бутербродами перебивался, да чайком-водичкой по возможности.

- А кто это, Ваня, припёрся-то к нам? Знакомый какой чо ли?

- Мишки Сашкина сынок прибыл на родину. Серёга-моряк.

Помнишь такого?

- Дак, как не помнить-то его. Пацанёнком и помню. Взрослыми-то ни его, ни сестру не видела, с концами они ведь отсюда уехали.

- А мужиком-то его в деревне и никто не видел, - поддакнул дед.

Молодёжь-то нынешняя уедет на города, а там своего происхождения-то деревенского и стесняться начинают. Оттого и не приезжают. А то, что деревня их вскормила, вынянчила, воспитала, выучила, наконец, - и не вспоминают. Пока не прижмёт их там, в городах-то этих, не прищучит. А когда деваться будет некуда - враз батьку с маткой вспоминают, готовы на колени упасть, чтоб их спасли-выручили. Вон, у него родители померли, а хоронить ни он, ни сеструха его не приехали, даже весточки не прислали.

Телеграммы-то обоим были от сельсовета посланы. Так обществом и похоронили, вначале батьку Михаила, а через месяц и Лида вслед

за ним ушла.

- Не отпустили меня, Никанорыч, сам поди знаешь, из тех мест, где я был, никаких отлучек не бывает. Разве что побег...

- Ладно, не обижайся, а прими это к сведению. Садись за стол, поешь, потом покалякаем с тобой.

Сергей достал из сумки бутылку водки, со стуком поставил на стол.

- Ну что, дедушко, обмоем моё возвращение?

- Убери, Серёжа. В другом месте, с другими мужиками потом выпьешь-обмоешь. Я ведь уж больше десятка лет в рот её не беру, заразу эту. На второй группе по желудку, да по печени состою. Нельзя мне. Врачи грозятся даже на первую перевести. А знаешь, когда её дают? Вот-вот, не знаешь. За два месяца до смерти. Так что, скоро уж меня в "деревянный бушлат" снарядят, едрить твою душу. Так у вас на флоте домовину-то вроде называют?

- Так, так, дедо. Только не надо туда шибко-то торопиться, успеем ещё. Какие наши годы!

- У тебя-то, да, вся жизнь ещё впереди, ведь с ноля придётся начинать. Ну, а я уж сколько попотянусь. Так что, спрячь её, белоголовую злодейку с наклейкой подальше, потом пригодится. А пока за чайком-то давай с тобой о жизни нашей скорбной и покалякаем. Надолго сюда?

- Думаю, насовсем, наовсе, как тут у нас говорят.

- Надо же, помнишь ещё говор-то наш, не забыл.

- Как его забудешь. Вроде и пытался от него избавиться, ещё по этому поводу курсанты надо мной подшучивали, да видно это ещё с молоком матери в меня впиталось - не выкорчуешь.

- А и не надо выкорчёвывать, всё наше должно быть с нами. А что смеялись, да смеются, так тьфу на них. Это ведь они не от большого ума делают. Русский-то язык, он в первую очередь народный. А кто настоящий-то народ, спросишь? Отвечу тебе так: народ - это тот, кто живёт в глубинке: в селе, в деревеньке, посёлке, мелком городишке. Тот, кто потом и кровью хлеб насущный добывает. А в городах живёт кто? Правильно - население. Они там за всем западным гоняются, без слов английских обойтись не могут. Поганят истинно русский язык. Значит, надолго ты сюда приехал. Не пожалеешь потом?

- Не знаю, буду ли жалеть или нет, время покажет. А так - прибыл насовсем.

- М-м-м-да, так тебе же где-то жить и работать надо будет, не так ли?

- Так дедушко, так. Завтра вот и займусь этими вопросами.

- Работ у нас тут, опять же, никаких нет. Чем жить-то будешь? В райцентр за такие-то вёрсты ежедневно не убегаешь. Да ведь и там безработица. А ты со справкой своей тюремной - кому там нужен? В окрестных деревнях тоже не густо с работами. Думают пооткрывать какие-то фермерские да крестьянские хозяйства. Так неужели в "батраки" к ним пойдёшь? Или своё дело будешь открывать?

- Ничего пока, Никанорович, не знаю. Определюсь по ходу дела.

- Своего-то дела открыть, скорее всего, тебе не дадут, не тот ты фрукт. Есть ещё, правда, предприниматели, которые леском балуются. Так там у них тоже всё полулегально-полукриминально устроено. Лесобилеты-то выписывают на заготовку, да вот ссылаясь на них ещё и окрестную древесину прихватывают. Дают властям "на лапу", а те глазки-то свои на это воровство и закрывают. И пока все довольны: и чиновники сыты, и лесоворы карман набивают. Куражился тут по-пьяни один хват, я, мол, уже и внуков своих деньгами обеспечил. Но ведь это всё до поры, до времени. В одночасье эту лавочку прихлопнуть могут. Будет команда сверху и всё: тюрьма с конфискацией всего имущества, и у детей, и у внуков отберут всё подчистую.

- Захочешь влезть в этот криминал - не допустят, у них там свой круг замкнутый, всё меж собой давно уж распределено-поделено. Такая ноне жизнь пошла. Честному человеку, едрить твою душу, здесь не прожить, не прижиться. Так что, думай, Сергей. Хорошо подумай, прежде чем принимать решение. Воровским бизнесом займёшься - рано или поздно за руку поймают - ещё раз посадят, вернут на зону. И станешь ты уже рецидивистом, а это значит, что в твоём возрасте у тебя только один путь останется - лезть в петлю. Короче, полные кранты тебя в этом случае ожидают. А честно встать на ноги не сможешь, не дадут. Будут вымогать тити-мити, ставить палки в колёса, а уж без волокиты не обойдётся. Будешь сотню раз бегать по кругу, крутиться, как белка в колесе, за разными справками, разрешениями и иными, практически никому ненужными многочисленными бумажками. А когда всё же если и удастся собрать всю эту макулатуру, на комиссии тебе откажут, хотя бы по одной простой причине - ты бывший сиделец... и тебе ни-з-з-

я заниматься тем, чем бы ты хотел заняться. Может прямо и не скажут, но предлог для отказа найдут. Прецеденты уже были.

- Мне, Иван Никанорович, кроме как здесь жить негде, сам понимаешь. Жена развелась со мною, в Заполярье у неё уже другая семья и там я лишний. И делать теперь в том посёлке мне совершенно нечего. Так что, помоги мне, дедушко здесь узакониться. А будет у меня хотя бы здешняя прописка - от этого дальше и танцевать буду. С чего-то ведь надо начинать. Я вообще-то, Никанорович, человек законопослушный, вымуштрованный советским временем, законами социализма.

- На пепелище тебя не пропишут - не надейся. Нет дома - нет и прописки, согласен?

- Это мне понятно.

- Тебе тут к кому-то надо приткнуться. А к кому - вопрос. Здесь у нас из полутора сотен некогда жилых домов осталось, считая и мой, девять, где живут ещё люди: старушки-одиночки. Один я мужик на всё это бабье царство, едрить твою душу. Приезжают к ним по весне, да летом из городов родственники: посадки произвести, травушки покосить - запас сена на зиму сделать, коз-то всё ещё бабушки держат. Ну и дровишками предков обеспечить. В избах что-нечто починить, покрасить. Опять же ворота, заборы подправить. Одна у нас только не обихаживаемая родственниками остаётся - Александра, по-деревенски Шура-медичка. Помнишь, наверное, таковую. Никого у неё из родни в живых не осталось. Бобылка она по-нашенски.

- Как же, как же, конечно помню, Никанорыч. Пацанами мы её ненавидели, боялись как чёрт ладана. Как увидим, что идёт в нашу сторону, вмиг тягу давали. Из-за уколов всё это было, слишком болезненными они нам казались.

- Ну, так вот. Изба у неё ещё пока справная, я тут ей что могу, до сих пор мужскую работу справляю. Она мне уколы ставит, лекарства из аптеки приносит, в общем, друг другу помогаем. Иначе-то нынче не проживёшь. Тебе, Сергей, думаю, есть резон у неё остановиться. А там видно будет, ведь неизвестно ещё, куда тебя жизнь повернёт-направит. Главный у неё вопрос - дрова. Это будет, пожалуй, основная твоя задача, если удастся договориться и с жильём, и с пропиской. А остальное - по ходу дела изладишь, да и я тебе что-нечто помочь смогу.

- Тебе ведь ещё в район надо ехать, в милицию заявиться, встать

на учёт. У них там с этим делом строго. Сельсовет, администрацией поселения теперь называется, тоже стороной не обойдёшь, и они там о тебе должны знать, что ты за птица. Это в селе Троицком, всего каких-то пять вёрст отсюда будет. А робит там председателем, правда, главой он по-нонешнему обзывается, свойский мужик - Андрей Иванович Карандашев - тамошний коренной житель.

- Никанорыч, так это, кажется, мой одноклассник! Он ведь Вани Шнобеля сынок?

- Он самый и есть. Вот видишь, знакомец он твой оказывается.

- Да ведь мы с ним дружились, и неплохо, в школьные-то времена. Поди-ка и он меня не забыл, чуть что, так поможет, думаю. Я ведь в этой новой жизни ничего не пендрю, а он глава всё-таки.

Растолкует мне что к чему и почему. Пожалуй, это мне удача выпала, что он при власти состоит. Слава богу, полегче, повеселее на душе стало.

- Ну вот, ложись спать, Марья тебе на диване постелила. А завтра с утрачка и пойдём, басловясь, к Александре, жилищный твой вопрос решать. Думаю, не откажет, едрить твою душу.

* * *

- Здорово, Егоровна!

- Здорово, коли не шутишь.

- Как жилось-ночевалось? Не прижилось ли у тебя каких-либо мужичков-примачков? - прямо с порога взял шуточный тон Иван Никанорович.

- Откуда им взяться? Повымерли у нас все мужики, один ты, Никанорыч, на всю деревню и остался. А тебя ведь Мария никому не отдаст.

- Ну, если нет, то будет. Принимай, Александра, добра молодца на постой.

- Ой ли?

- Вот, блудный сын вернулся в родные пенаты, а жить-то ему и негде, пепелище его встретило, вместо избы-то.

- Здравствуйте, тётя Шура, - несколько смущенно поприветствовал хозяйку Сергей.

- И тебе не кашлять, парнишко. Вижу, вроде ты Мишки Сашкина сынок? Серёжка, кажись?

- Он самый и есть, Александра, - подтвердил дед.

- А я ведь по обличью-то сразу поняла - вылитый Миша, весь ты,

Серёжа, в батьку покойного пошёл. Царство ему небесное.

- Вишь, судьба-то какая, едрить её в душу, на флоте отслужил парень, сколько позволили, на зоне оттрубил от звонка до звонка. Теперь вот - вольная птица, вроде бы лети куда хочешь. Ан нет, лететь-то оказывается и некуда, окромя как сюда. А и здесь полное фиаско, дома-то нет, сгорел, спалили его ханурики. Что делать? Вот покумекали мы с ним вчерась и решили, Александра Егоровна, обратиться к тебе с великой просьбой, может примешь на постой погорельца? И тебе веселей будет, не так одиноко. Как-никак, две живые души в одном доме, радость нам, старикам. Будет хоть с кем поговорить. К тому же помогать тебе будет, что касася мужской работы. Он, если в батьку, то хваткий должен быть. Топором-пилой с детства владеет. Так что подспорье тебе будет неплохое. Да и защиту от шпаны разной да хулиганов обеспечит, коснись мало ли чего.

- Не жалко мне, Иван, пусть живёт, места в избе и на шестерых хватит. А коль помогать во всём будет, так я и копейки с него не возьму. И сготовлю, и обстираю, мне ведь это не в тягость. Если надо, то и пропишу у себя.

- Как не надо? Куда он без прописки-то? Бомжи и те регистрацию зачастую имеют.

- Вещи-то где у тебя, Серёжа? У Никанорыча, поди-ка, оставил? Неси сюда и обустраивайся. Вон та комната твоя будет. Сейчас что-нечто приберусь, и живи на здоровье.

- Никуда мне идти не надо. Вот моя сумка дорожная. Всё моё в ней, да при мне, по карманам рассовано.

- Не густо ты разжился-заработал за тридцать-то лет. Поди щётка зубная, да смена белья и всё?

- Так и есть, тётя Шура. Всё нажитое мною за эти годы непосильным трудом, в маленьком бауле-сумочке уместилось. Все доходы мои в рубли-тугрики конвертированы, шучу, конечно. А что касается недвижимости, так какие мои годы, всего-то сорок девять, всё заведу. Буду трудиться не покладая рук, а мне иного уже не дано, всё появится: и хоромы царские отгрохаю, и обстановку в доме городскую забабахая, и живность во дворе разведу немалую. Останется тебе, тётя Шура, только невесту мне подыскать, княжеских кровей. На меньшее я не согласен! Шучу, шучу, шучу!!! А если серьёзно - работать я люблю, отродясь бездельником не был. Главное - было бы дело какое, нашлось бы хоть что-то, к чему

можно бы было руки свои приложить.

- Вот это по-нашенски, едрить твою душу! - похлопал по плечу Сергея Иван Никанорович. - Не пропадёшь ты с ним, Александра, ей богу, не пропадёшь. Он и тебе скучать-бездельничать не даст, не позволит.

- Дай-то бог, дай-то бог, чтобы так и было. Что ж, поживём - увидим.

- Значит, по рукам, красавица ты наша?

- По рукам, согласна.

- Тётя Шура, мне прямо сейчас в Троицкое идти надо. Сумочку я у Вас оставляю, коль договорились. А к вечеру оттуда вернусь прямо к Вам.

- Хорошо, буду ждать.

* * *

С ученической поры знакома Сергею дорога в Троицкое. Десять лет, изо дня в день выбегал он в местную школу. Дорога вроде бы и та же, да вот окрестности существенно изменились за эти годы. Самое броское - вырублен Цветыньский бор, сплошь заросший сейчас деревьями сорных пород, да затянувшийся кустарником. Проросли, конечно, и молодые сосенки и ёлочки самосевы. Если они не завянут, не зачахнут и не задушат их лиственные породы, то лет через шестьдесят-семьдесят будет бор таким же, каким был он в пору его детства. Новое, молодое поколение и их дети, конечно же, не увидит его в полной силе-красе, зато внуки будут ходить сюда за грибами да ягодами.

- Ужерьдь существенно обмелела, - отметил он, глядя на воду, навалившись на перила моста, - омота песком затянулись. - Рыбалка, поди-ка уже не та, - подумал Судаков. А посидеть на вечерней зорьке или на утренней, ох как хотелось.

- Ничего, - мечталось Сергею, - найдётся может быть чуть поодаль какой-нибудь омуток-омуточек. Пусть и подалее от дороги он будет, пусть хоть яма какая поглубже, вспомню своё детское рыбацкое счастье, отведу душу. Времени теперь у меня будет много, на всё хватит: и на работу, и на отдых. А главное - здесь я сво-о-бо-о-де-е-н! - Куда хочу - туда и иду, что хочу - то и делаю. Как же это прекрасно!!!

* * *

Троицкое внешне не изменилось. Лишь на дальней стороне села появилась новая улочка из двухэтажных особняков-коттеджей местных нуворишей. Изрядно выгоревший российский триколор слегка трепыхался над крышей бывшего сельсовета, нынешней сельской администрации. За закрытыми дверями главы поселения шёл разговор на повышенных тонах, слышимый даже на улице. Кому-то крепко доставалось за вяло текущий ремонт школы.

- И часто так, залихватски, сыплет матюками Андрей Иванович, разнося нерадивых? - спросил Судаков у средних лет секретарши, заваривавшей чай.

- Приходится многих править-отчитывать, везде и во всём срываются сроки, а ссылка у исполнителей одна - нет денег. - Будут деньги - будем делать, - это их ответ. Но ведь и садик и школа первого сентября должны принять детишек, а у них ещё дел выше крыши. Деньги на эти цели из области спускают, свой-то бюджет практически нулевой, банку краски не купишь, светильник уличный не приобретёшь, не вкрутишь. А финансирование сверху, как у нас давно уже принято, осуществляется, не поверите, в последнюю декаду декабря (???). А 31 декабря уже требуют отчёт об освоении выделенных денег. Маразм, да и только! Весь год работяг авансами разными подпитывают, где-то всё же денежку находят, а уж окончательный расчёт - перед Новым годом. Вот так и живём-маемся. И это ещё не всё. Если не успеешь за эти десять дней освоить перечисленные средства и, главное, вовремя отчитаться - заставят денежки обратно вернуть. И ведь прецеденты уже кое у кого были. Нас, спасибо Андрею Ивановичу, и слава богу, сия участь миновала. Такая вот для главы удавка существует. В общем, крутись, как белка в колесе.

- Скоро они там закончат?

- Полагаю, минут через 15 - 20. Что без толку-то кричать. Воду в ступе толкут, а подвижек всё равно никаких нет. Играют друг у друга на нервах, только здоровье гробят. Да Вы присядьте, чайку попейте, сейчас я Вам налью. Вижу, издалека прибыли, запылились.

- Угадали, издалека. Из Ольховки я пришёл, друга своего давнего, Андрюшку, проведать-навестить. Тридцать лет не виделись, поди и не узнаем друг друга.

- Из Ольховки??? Там же одни пенсионеры живут-прозябают!

- А теперь и примкнувший к ним я там буду жить.

- Насовсем приехали?

- Всё, практически всё, зависит от дружка моего школьного, от главы вашего - Андрея Ивановича, для меня просто Андрюшки. Даст он мне "путёвку в здешнюю жизнь"- обоснуюсь в Ольховке, если нет - придётся уехать куда-нибудь, так сказать, куда глаза глядят, а глядят они пока, скорее всего, на Севера.

- Так ведь в Ольховке делать нечего? Там ничего нет, кроме развалин. И живут там один старичок, да десяток старушек. С тоски и от безделья Вы там помрёте.

- Но ведь кто-то же должен поднимать село? Кто-то должен начать? А почему бы не я? Пафосно, конечно, звучит, но почему бы мне не приложить к этому благородному делу свои руки? Здоровье, слава богу, позволяет, копеечку кое-какую сумел нажить. Лиха беда начало!

- Ну, Вы даёте! Это же лозунги прошлого века. А ныне на дворе век двадцать первый. Времена отчаянного патриотизма, общественного энтузиазма, а уж тем более бескорыстия прошли. Теперь каждый одеяло на себя тянет, всякий стремится побольше для себя урвать, даже друзей своих, товарищей за просто так обдирают. Да что о друзьях говорить, даже между ближайшими родственниками такие распри происходят, что диву даёшься. Нынче во главу угла поставлены деньги, а не честность, не совесть, не благородство. Люди все в города ринулись, большинство столицей бредят. Спят и видят, как они там в Москве или в Питере как сыр в масле кататься будут. А Вы в деревню, всеми забытую, прикатили. Не понимаю я Вас.

- В Ольховке я родился, там воспитывался. Там, наконец, я стал человеком. Эта деревня - вторая моя мать, и она мне не безразлична.

- И всё равно я Вас не пойму. Из города - да в деревню???

- Милая моя, без здоровой деревни города в недалёкой перспективе загибаться начнут, чахнуть. Вы что думаете, Запад нас кормить будет? А если и будет, то чем? Отходами, обрезками и прочей всякой бякой в красивой упаковке. Рано или поздно жизнь заставит россиян вернуться в деревню, вынудит вплотную заняться продовольственной программой - собственной безопасностью. А иначе вымрем все, как динозавры.

- Ладно, не будем спорить. Пейте лучше чай.

* * *

- Распаренные, раскрасневшиеся, взлохмаченные буквально вывалились мужики из кабинета главы, недовольно бурча и ругаясь. Сергей отставил пустой стакан и неспешно вошёл в кабинет. Карандашева он узнал сразу. Конечно, вырос, возмужал, в плечах раздался за прошедшие десятилетия. Но обличьем-то остался прежним.

- Здорово, Андрюша - ослиные уши!

Склонившийся над бумагами глава резко поднял голову, пристально вглядываясь в посетителя.

- Серёга, ты? Неужели ты? Какими судьбами? Откуда?

- Узнал, чёртушка, признал старого друга! Откуда - откуда? - От верблюда. Сам, наверное, знаешь. Много леса я погубил в Коми-республике за восьмилетнюю отсидку. А до этого бороздил на эсминцах да крейсерах Баренцево море. Далекое не ходили, обнищала к тому времени Россия-матушка, после развала Союза-батюшки. Даже горючку на корабли чуть ли не литрами выдавали. За год миль по сто от базы до Североморска пройдем, потом обратно в свой посёлок вертаемся - вот и все наши на те времена "дальние" походы были. Сейчас на флоте, конечно, повеселее стало, только мне туда уже хода нет. Так что мир мне посмотреть не удалось, а теперь уж и подавно не удастся. Полный обрез.

- А тут-то ты как оказался, и главное - зачем?

- А куда же мне деться-то, Андрюша, дорогой ты мой? У меня единственный документ - справка об освобождении. Никому и нигде я с нею не нужен. Вот и пришлось вернуться на родное пепелище, и в прямом и в переносном смысле этого слова.

- Насовсем?

- Если земляки не отторгнут, да ты не против, то да - на веки вечные.

- А причём тут я?

- На кого же я смогу тут опереться, как не на тебя? Кто, как не ты, сможет мне помочь стать на ноги? Кто мне подскажет как действовать в той или иной ситуации? Опять же ты. Тем более, что ты глава поселения и безусловно, не прибудняйся, лучше всех владеешь обстановкой на местах.

- Чем решил заняться?

- Вот с этим-то вопросом я к тебе и пришёл.

- Надеюсь, подскажешь, поможешь старому другу обрести здесь себя, закрепиться на родной земле, подняться. Больше мне идти-ехать некуда. Родная Ольховка - вот, видимо, последняя станция в моей жизни. А уж отсюда меня и на погост унесут.

- Наташа, изладь-ка нам чайку, можно и чего покрепче, друг у меня неожиданно объявился!

- Рано ты себя отпеваешь, Серёга. Крепок ты, вижу, жилист, так что всё вытерпишь-выдюжишь. Ты, как и я грешный, ещё советской закалки человек. Да и какие ещё у нас с тобой годы, до полтинника не дожили. Всё у нас впереди, не тушуйся.

- Не отпеваю, нет, просто поясняю, чтобы тебе было ясно: я вернулся сюда навсегда. Жить буду здесь до конца дней своих. А как я буду в родной Ольховке обживаться, если не всё, то очень, очень многое, Андрей, будет зависеть от тебя. Повторюсь, нужна мне очень твоя помощь и советом, и делом. Вот таков мой резон.

- Понял я тебя, Сергей, понял. Что ж, будем думать. Сразу, конечно, быка за рога не возьмёшь, но и нюниться, тянуть резину - тоже не гоже. Срочные проблемы есть?

- Надо мне вначале узакониться. Шура-медичка обещала прописать в своём доме. Этот вопрос к тебе, посодействуй. Ещё надо в райцентр съездить, встать на учёт в РОВД, порешать вопрос с паспортом, да и кое-что прикупить для хозяйства, да из продуктов. Дозарезу нужен транзисторный приёмник, а то хреново будет жить там без телевизора, да без радио. Электричество бы хоть провели, а то как пещерные люди, неандертальцы, маются там земляки наши. Как буду привыкать к восемнадцатому веку? Тебе, конечно, смешно, а вот мне настоящее горе. Даже на зоне с электричеством жили. А ещё мопед прикуплю. Он ни прав на управление не требует, ни гаишной регистрации. Мало ли туда-сюда сгонять потребуется, на ту же рыбалку, к примеру, съездить, или к вам в село по делам-делишкам заглянуть надо будет.

- Завтра нас с утра собирает глава районной администрации по вопросам готовности школ к началу учебного года. Так что, милости прошу, к семи часам подскакивай, местечко в УАЗ-е я тебе гарантирую. Пока мы заседаем, ты свои дела порешаешь. Надеюсь, времени тебе для этого хватит. Закупишь, что нужно - как-нибудь довезём, не впервой нам и громоздкие вещи разные, и механизмы всякие возить.

* * *

- Карандашев слов на ветер не бросал. Перво-наперво он познакомил Судакова с главными на селе людьми, с местной, так сказать элитой: лесничим, участковым, заведующей медпунктом, заведующей клубом, директором школы. Чуть позднее, за круглым столом организовал встречу с удачливыми предпринимателями. Самым крутым бизнесменом-лесного комплекса в округе слыл Иван Иванович Мошкин. Он имел в аренде несколько кварталов. Лесозаготовку летом вёл вахтовым способом, с последующей по зимнику вывозкой. А в зимний период свежезаготовленный лес хлыстами отправлялся на промплощадку, где после раскряжёвки сортименты складировались в штабеля. Заготовленных объёмов хватало для работы двух его пилорам по зиме и весне и частично летом. Откомлёвка и вершинная часть продавалась на дрова местному населению. Судаков с Мошкиным почти сразу же нашли общий язык. Предпринимателю позарез нужны были вальщики и трактористы на трелёвку в зимний период лесозаготовки. Тут-то Сергей ему, как оказалось, вовремя и подвернулся. Ударили по рукам, договорились о будущей работе Судакова. В свою очередь будущий вальщик леса выпросил у Мошкина два грузовика отходов от лесопиления и вершинника, да несколько брёвен хвойного баланса для устройства навеса для сушки и хранения дров у дома Александры Егоровны.

- Бери, без проблем, потом из будущей зарплаты что-нечто вычту. Внёс свою лепту и глава-одноклассник. Приехав как-то в Ольховку он, увидев суету Сергея с дровами, пригласил его пройтись по деревне. Остановились у дома № 44. Вот, Сергей, это строение моего деда по материнской линии. В нём уже лет 15 никто не живёт. Сам понимаешь, теперь уж изба для жилья непригодна. Нижние два венца полностью сгнили, посему дом и осел набок. Кроме меня претендентов на него нет, да и кому он нужен теперь. Так что, разбирай избу: что на дрова, может что и в дело пойдёт. Если шифер аккуратно снимешь, не расколешь, ему уже четверть века, то он тебе тоже пригодится, хорошую службу тебе сослужит. Тот же навес закроешь, баньку или хлев у Александры Егоровны перекроешь. Вот уж бабулька порадует, если всё у тебя получится.

- Да, ещё чего хочу сказать: поля-то, бывшие колхозные, пустуют,

травой сорной поросли. А козы-то, они в еде не шибко-то и разборчивы. Накоси хозяйке на зиму сена - дармовое ведь оно для неё будет. Уваж старушку. Видишь, сколько я тебе работёнки подкинул, до зимы хватит. А там и к Мошкину на заработки подашься.

- Ещё вопрос, дом-то свой ставить будешь?

- В планах он у меня есть, только вот с деньжатами у меня туговато. Пока не потяну. А до заработков у Мошкина ещё ох как далёко. Есть у меня небольшой капиталец, на зоне заработанный, но его маловато будет.

- А ты это дело-то в долгий ящик не откладывай. Переговори с Иваном Ивановичем, а я с ним тоже перетолкую, чтобы он тебе позволил за зиму отобрать на сруб, на стропила и на что ещё другое отборного сосняка, желательно после подсочки, просмолённого. Зарплатой как-нибудь с ним рассчитаешься. Вдвоём мы его уломаем, чтобы не дорого он с тебя взял. Но и тебе придётся погнуть на него спину, повыламывать руки. Тут уж потрудись в его лесосеке, как подневольный. Будет он тебя ценить, как хорошего работника - будет помогать. У тебя ведь дел-проблем выше крыши, одному-то тяжело их преодолевать будет.

* * *

Увидев, как рьяно взялся квартирант за сенокос, погода, благо, стояла подходящая, Александра Егоровна вдруг неожиданно предложила: "Серёжа, а может мы корову заведём? Молоко, сметана, творог, масло - всё у нас с тобой своё будет. Деньги у меня на бурёнку есть - не проблема. Я ещё в силах, чтобы её, родимицу-кормилицу обиходить. Хоть и 70 мне уже стукнуло, но лет на десять-то меня ещё хватит. А с твоей-то силушкой мы сенокос выставить сумеем. Глава ведь сам тебе посоветовал. Стожочки прямо в поле и смечем. Отсюда до них будет рукой подать. Зимой в любое время или по мере надобности подвозить будем. Как ты на это смотришь? Не бойся, весь уход за коровой я возьму на себя. У тебя иных забот полон рот, как сейчас, так и на будущее."

И такой уж умилительно-просящий взгляд был у хозяйки, что квартирант отказать ей ну никак не посмел.

- Берём и этот хомут на шею, тётя Шура. Думаю, выдюжим. Да и я себя в работе лучше чувствую. Некогда нам тоске предаваться, да и незачем. Зато уработаешься - сон крепкий. А встанешь, опять на

работу тянет, братья за неё родимую - невтерпёжь. Для себя ведь, тётя Шура, стараемся, а посему и труд любой не тяжёл - в удовольствие. Как я соскучился по простой крестьянской работе, с детства мне знакомой. Сам себе хозяин, никто тебя ни за что не ругает, не корит. Сделаешь что-то хорошее - душа поёт. Я уж в уме планы составляю, что нужно сделать сегодня, что завтра и аж на всю неделю вперёд. Гляжу и на перспективу. Раскрепостился я здесь и планы грандиозные начали меня одолевать. Эх, только бы здоровье не подвело, готов горы свернуть!

- Только не надорвись, Серёженька, а то вижу, дорвался ты до работы. Да и я-то тебя ещё ежедень подначиваю, напрягаю.

- Да мне, тётя Шура, петь хочется, когда делаешь что-то полезное, а потом видишь плоды своего труда. С дровами мы с тобой проблему решили, считай, года на два их хватит - это хорошо. Теперь хлев надо подправить, козь корову решили заводить. Да и навес для сена придётся построить, повити ведь у тебя нет. А наперёд ты, Егоровна, наверное, уже и о поросёночке подумываешь? А? Или я не прав? - засмеялся постоялец.

- А по-моему, Сергей, ты уж сам задумался об этом, а стрелки на меня переводишь. Вижу, ты уж сильно "заболел" своим хозяйством, - рассмеялась Александра Егоровна, - всё меня подначиваешь, что я собственница неисправимая, а сам-то? Ох - хо - хо, чувствует моё сердечко, если так и дальше дело наше пойдёт, года через два нас раскулачивать придут.

- Не придут, не те времена теперь. Нынче, говорят, наоборот, хозяин в почёте. Фермеры в России завелись, крестьянские хозяйства какие-то пооткрывались. Говорят, опять же, и государство частному сектору помогать будет, через какие-то там программы, да фонды. Только мне это не светит, судимых поди-ка в эти программы включать не будут. Тут, мать, биография должна быть чистая. Да ничего, Александра Егоровна, мы и сами с усами, в одиночку поднимемся! Тем более, что сам глава за нас горой стоит, да и другие службы, полагаю, помогут, в стороне не останутся. И даже, если попросту нам мешать не насмелятся - потихонечку, водиком, как у нас говорят, в люди выйдем.

* * *

Как-то в тёплый позднеавгустовский полдень, когда Судаков заканчивал закрывать крышу на сенном навесе, к дому подошла

средних лет женщина с казённой сумочкой в руках.

- Эй, плотник-строитель, деревянная твоя голова, не урони мне сверху на голову что-нибудь!

- Проходи, проходи, не бойся, женщин я не обижаю, особенно красивых и добрых.

- Ты кем тут приходишься, хозяином или квартирантом? Или попросту шабашник?

- Я скорее примачёк, - отшутился Сергей.

- Для тёти Шуриноного примака ты больно молодо выглядишь, разлюбезный. Вот мне бы тебя в приёмки захомутать, самое то и было бы. Я ведь девка на выданье! - засмеялась незнакомка.

- А что? Могу взять тебя в жёны хоть сейчас, я казак вольный. А ты, вижу, женщина не промах, бедовая. Если ещё и работающей окажешься, то почему бы нам не объединиться и не построить коммунизм на двоих.

- На двоих не получится, у меня ещё детишек двое.

- Может у тебя ещё и муж имеется? Тогда, милая, уж прости-прощай. В мужской гарем я не пойду.

- Не переживай, мужа нет, вдовая я. Но, если ты мне понравишься-приглянешься - берегись, приворожу и ни куда ты от меня не денешься.

- Ну-у-у, ты и..., - Судаков запнулся, подбирая подходящее слово.

- Хочешь сказать - наглая? Бесстыжая? Дюже навязчивая?

- Нет, женщин я такими словами не обижаю. А может ты ясновидящая и всё наперёд знаешь? А?

- Ладно, не переживай, хомут на тебя силком надевать не собираюсь. В чьё ярмо залезать, сам потом решишь, вдовушек у нас в округе много: и с детьми, и бездетных, молодых и не очень. А тебе бирюком-то не резон жить. Мужик без бабы обычно пропадает. Это наш брат без вас обойтись может, а вам, мужикам, без нас - никак нельзя. А может ты женатый, да скрываешь? Хотя в селе слухи о тебе ходят, дескать холостой ты, а как жених - самый подходящий. Бабы наши в сплетнях уж тебя всего вымыли и перемыли, да ещё и переполоскали не раз. Так что, берегись мужик, скоро за тебя битва начнётся, не на жизнь, а на смерть. Ну, да ладно, пошутили и будет. Мне Александра Егоровна нужна. Где она?

- Вижу, у соседки Марфы она в огороде, сейчас кликну её.

- Скажи, что почтальонка пришла.

* * *

- Проходи, проходи, Настёнушка, мы ведь нашей деревней-то тебя ещё две недели тому назад ждали. Или опять задержки с пенсиями пошли? Зарплаты - не вовремя, пенсии и пособия - тоже. И о чём вообще власти думают? Ох, бедный народ - страдалец! От войны только-только отошли, восстановились, слава богу, вроде уж жить по-человечески начали. Так, на тебе, объявились теперь уж свои "Ироды", без войны всё порушили. И что им там наверху не имётся? Не дают простым людям жить по-божески. Пойдём, попьёшь с дороженьки чайку. Хоть и не велик волок, а всё равно ноги-то натоптала. Старушки тебя видели, все сюда подойдут, как и в прошлый раз, по деревне тебе бегать не надо будет.

- Вроде, Сергей, почтальонка к вам пришла, едрить её душу. Больше десяти дён без денег живём. Чай, да сахар и те кончились. Ох, жизнь-жистянка! А ты, вижу, живёшь не тужишь, поднакопил на зоне, видно, капиталец-то, его потихонечку и держишь? И Шура, смотрю, лишка не стонет, не страдает от безденежья. Да, слава богу, у вас хоть всё хорошо, рад я за вас за обоих.

- Заходи, Никанорыч, у нас все старушки собрались, денежки получают, да какие-то заказы почтальонке делают.

- Она что, ещё и снабжает их чем-то? - подал с крылечка свой голос Судаков.

- Да так по-мелочи кое-что, многого-то ведь ей не унести.

- Серёжа, - окликнула Александра Егоровна, иди-ка попей чайку, да отвези Настеньку до села на своём мопеде. А там прикупишь для дома кой-чего в магазинах, списочек я тебе сейчас составлю.

* * *

- Мопед - не машина, и даже не мотоцикл. Пришлось Насте поплотнее к Сергею прижаться, да крепко-накрепко обхватить его обоими руками. А у Судакова, от такой близости женщины, аж мурашки побежали по коже - давно он на себе не ощущал ни женских рук, ни таких вот плотных обнимашек. Ни слова не обмолвили за всю дорогу, да и не словами они жили эти минуты, а неожиданно возникшими чувствами.

- Когда прибыли в Троицкое, она сухим, видимо от волнения, голосом спросила: "Может зайдёшь, посмотришь, как мы живём. Ребятки мои дома, самоварчик быстро сgonoшат. Попьёшь и у нас

чайку. Вареньем свежим угощу, пироги утром пекла, поди-ка ещё не совсем остыли, закрытые холстиной.

- Грех не зайти, если женщина от всей души тебя об этом просит. И пирогам рад буду, тётя Шура не часто меня ими балует, она больше простой хлеб печёт. Только вот, соседюшки-то тебя, Настя, не осудят? Скажут привела в дом мужика, даже детей не постеснялась.

- А им-то какое до меня дело? Тьфу на них. Только вот обидно мне, Сергей, что ты такие слова мне говоришь, как бы от баб наших. Они может об этом и не подумают даже, а ты вот наперёд почему-то о плохом сразу подумал. Вроде как, чистоту свою блюдёшь, замараться боишься. Думаешь, увидит тебя возле моей избы какая-нибудь тётушка, да слух о тебе по селу пустит? Так что ли? Боишься, что косточки твои перебивать снова, теперь уж по-худому начнут?

- Не так ты поняла меня Настя. Я не о себе, а о тебе пекусь. Твою репутацию подмочить не желаю.

- А тебе-то какое дело до моей репутации? Ты кто такой, судья что ли? Ишь, чистюля какой выискался. Так и скажи, слухов плохих о своей незапятнанной персоне боишься! Не держу, и не зову, езжай к себе обратно, чистолюй. И зачем только я тётю Шуру послушала, да с тобой согласилась ехать? Тьфу!

Обескураженный Сергей поехал к центральному магазину, чтобы выполнить наказы Егоровны. В душе он проклинал себя за свои словесы. И так ему стало жалко Настю, за то, что так её нечаянно и незаслуженно обидел, чуть слёзы на глазах не выступили.

* * *

- Слушай, Сергей, у меня ещё одна идея появилась, - как-то при встрече завёл разговор Карандашев. - У вас там на пепелище четыре участка, бывшие приусадебные, пропадают. Каждому хозяину было по 25 соток нарезано. Итого - гектар. Лет пятнадцать эта земля не использовалась по прямому назначению. А что, если тебе сейчас поднять эту "целину", вспахать трактором, да засадить по весне картошкой? Представляешь, какое богатство тебе будущей осенью привалит? Цены закупочные неплохие, принимают картофель неограниченно. Вот тебе ещё дополнительно денюга в карман упадёт. А трудов-то, трудов-то тут не так уж и много, а урожай по дерновине всегда богатый бывает. Так что, если есть желание, то

договаривайся с Васей Ерохиным, у него свой МТЗ-82, ему по паям от колхоза развалившегося достался. Есть и плуг, и борона, и иные причиндалы. Он тебе сейчас вспашет этот гектар, а весной лошадкой перепашешь, благо их в округе ещё десятка полтора у частников осталось. С лошадкой же под плуг и посадишь. Семена весной найти не проблема, у людей ещё много картошки после посадок остаётся, продадут за бесценок. Так же потом её сгнившую выбрасывать будут. Лошадью же летом и окучку на своей плантации проведёшь. А осенью опять же позовёшь Васю, он тебе картофелекопалкой поможет убрать урожай. Я бы и сам не против такого мероприятия, да нам, "государевым людям", нельзя.

Категорически запрещено подобными делами заниматься. А тебе сам бог велел, шум-гам никто поднимать не будет. Так что - дерзай!

- Чувствую, ты из меня хочешь фермера сделать.

- А что, разве плохо? Пользуйся моментом, пока есть возможность в люди выйти. Вариантов у тебя много. Хочешь - земледелием займись, есть желание - ферму молочно-товарную открывай.

Попроше будет, если откормом молодняка займёшься. Тоже дело прибыльное. По весне возьмёшь несколько бычков годовиков, а к осени они на ольховских, пока ещё бесплатных для тебя, угодьях такой вес наберут - от реализации их душа у тебя запоёт, не хуже хора Пятницкого.

- Есть, конечно, ещё один вариант - заняться лесозаготовками, благо у тебя восьмилетний опыт работы на этом поприще имеется. Но, тут есть много НО, очень много. Трудности с лесфондом - это раз. Лакомые куски - лесные кварталы уже в аренде у Мошкина и ему подобных предпринимателей. Вклиниться - не получится, некуда просто. Второе: в субаренду идти не советую, там ведь кроме платы за такую аренду и производственных затрат, на тебя свалятся все работы по лесовосстановлению, сдаче делянок и прочее, прочее, прочее. Не осилишь. Третье: нужны трактор, пилы, троса и ещё многое что по мелочам. Людей придётся нанимать, а это огромные финансовые затраты. Опять же, если по-хозяйски, эффективно вести бизнес в лесном комплексе, нужно самому заниматься и переработкой древесины, то есть, как минимум, потребуется пилорама. Кругляк продавать - крайне невыгодно. А вот денег-то у тебя на всё это нет, и взять их негде. Кредиты тебе никто не даст, сам понимаешь почему.

- Так что уж не обессудь, лучший вариант для тебя - заняться

землицей-матушкой. А что конкретно, я тебе уже предложил.

- Спасибо, Андрей, тебе за всё. Ты настоящий друг. И за картошку спасибо. Ты прав, это будет мне большое подспорье. А в зиму, как и договаривались, пойду к Ивану Ивановичу. Думаю, неплохо у него смогу заработать. А там - там весна покажет. До неё ещё очень далеко.

- Не всё я тебе ещё Серёжа сказал. Ещё один вариант для тебя наклёвывается. Причём, неплохой, - с ехидненькой улыбочкой, глядя в глаза другу, произнёс Андрей. - На тебя, похоже, положила глаз Лидия Сергеевна - директор школы. Привет тебе шлёт большой-пребольшой. - Передай, говорит, своему другу, чтобы он срочно ко мне в школу зашёл.

- Не понял, чем это ей я вдруг не угодил? Детей-школьников у меня нет, её я и видел-то всего лишь один раз, когда ты меня с ней знакомил. Больше наши с ней пути-дороги не пересекались.

- Да тут интерес простой: женщина она вдовая, а возраст - всего 45, то есть ягодка опять. А тут высветился на горизонте ты, весь такой уж очень положительный, пушистый, как нынче говорят, холостой - свободный. Надо тебя срочно к рукам прибирать, не опоздать бы, а то ведь не ровён час другие, более расторопные тебя пожалеют-приголубят. Вдовушек-то в селе хоть пруд пруди. Вот и хочет она на тебя сети накинуть-разбросить. Но, это моё мнение такое. А конкретно - у неё в школе есть вакансия учителя-трудолика. Она полагает, что ты вполне справишься, руки-то у тебя золотые. Сможешь ученикам показать, что и как делать. Тем более, что образование у тебя высшее. У нас в России, в отличие от Запада, специалист с институтским дипломом может в любой сфере работать. Помнишь, наверное, как педагоги райкомом в председатели колхозов выдвигались, инженеры-промышленники - торговую сферу возглавляли. И ведь неплохо справлялись. Да что далеко ходить, я сам по специальности ветеринар, а в нынешней должности уже без малого двадцать лет состою. Ещё в своё время председателем сельсовета три раза избирался-назначался. И ничего, наше поселение в передовых по району ходит. Она может (сама говорила) ещё по совместительству тебе должность завхоза предложить. Пусть, мол, до 25 августа зайдёт ко мне, перетолкуем. К тому же жильём тебя вполне может обеспечить. Был такой намёк с её стороны. Понял, какая в твой адрес закидуха? А? Что скажешь?

- А чего я сказать могу? Во-первых, я всё-таки не педагог, это

непростая специальность-профессия. К детям ведь особый подход нужен. А там, где я служил и срок мотал - все вопросы горлодёрством решались. В школе особая тактика нужна, а к ней я, к сожалению, не приучен. Нет у меня педагогических данных. Во-вторых, я не смогу работать под руководством дамы. Для меня это нонсенс. Все вышестоящие у меня до сих пор мужиками были. И я даже не могу представить себе, как я буду перед женщиной отчитываться, упрёки от неё разные, по делу и не по делу, выслушивать. Нет-нет, это не моё. Так что, к ней я не пойду, так и передай. А ещё скажу тебе, без права передачи, она слишком высокомерна, нагловата, и мне абсолютно не симпатична. Вопрос решён.

- А вдруг сошлись бы вы каким-нибудь образом? И жил бы ты, как у Христа за пазухой, на всём, так сказать, готовеньком: квартира благоустроенная, зарплата у неё приличная, автомобиль УАЗ, огород - 15 соток, соленья-варенья в подвале стоят, ести - не переести. Сын взрослый - институт нынче кончает, вам не помеха. Одни для тебя только плюсы.

- Нет, Андрей, я нахлебником-захребетником никогда не был, и уж, видимо, не буду, не смогу так жить. На всё готовенькое не пойду. Стыдно мне, мужику, будет под каблуком бабы находиться, ведь как не крути, хозяйкой-то она остаётся. А я окажусь примачком-посмешищем. Вся округа надо мной потешаться будет. Нет-нет, я привык своим умом и трудом всего добиваться. Так что уж не обессудь, Андрей. Да, кстати, а как она овдовела?

- Муж-то у неё был хороший. Механиком в колхозе работал, народ его уважал. Любил охоту, рыбалку. Глубокой осенью как-то уж очень приспичило его на озере с надувной лодки порыбачить. Заплыл аж на середину. Где он там и что словил, за что зацепился? В общем, получился прокол, лодка сдулась и он во всём своём утеплённом обмундировании оказался в холодной воде. Долго барахтался но всё же выплыл, и даже лодку за собой вытащил, в УАЗ-ик её сумел запихать. А до дома-то семь вёрст ехать. Короче, как потом оказалось, схлопотал он двустороннюю пневмонию. Как жена его, Лидия Сергеевна, не уговаривала, как фельдшерица не настаивала, в больницу, в райцентр ехать он категорически отказался. Вылечусь, мол, домашними средствами, да медичка уколов наставит. А когда его туда всё же, чуть не силком, полуживого увезли, оказалось, что уже поздно.

- Да, от судьбы, видимо, не уйдёшь. Что на роду написано, то и будет.

* * *

Незаметно подкрался сентябрь. По хорошей погоде убрали с огорода овощи, неспешно выкопали картошку. Вовсю хлопотала Александра Егоровна, готовя припасы-запасы на долгую костромскую зиму. Судаков сходил несколько раз к Барановым, помог и им решить огородную проблему. Не забыл и про нуждающихся соседей.

- Едрить твою душу, Сергей, как бы мы тут без тебя жили? Эх, ещё бы к нам в деревню пару-тройку таких как ты мужиков залучить, ожила бы Ольховка. Лучше бы, конечно, с семьями, на перспективу. Как-то бы надо нам выйти из списка неперспективных деревень. Глядишь, и свет бы снова провели. Ведь было же у нас электричество, не так уж и давно было. Да вот беда случилась, столбы-то старые, подгнившие были, не выдержали смерча, упали почти на всей линии. Нас тогда ещё по телевидению показывали, приезжали корреспонденты-журналисты аж из самой Москвы. Вот тогда и заявили энергетики, дескать, ваше селение неперспективное, то и гнать к вам линию незачем. Всё равно вас переселять будут. Вот с той поры и живём без света, маемся.

- Я, Иван Никанорович, говорил с главой Карандашевым на эту тему. Он-то ведь тоже не против возрождения Ольховки. Три или четыре хозяйства у вас бы открыть, говорит, крестьянских или фермерских, можно бы тогда и оживить деревню. Под это дело и электричество можно было бы подвести, и дорогами заняться, и другие проблемы порешать. Толчок тут нужен серьёзный, в плане переселения сюда семей. Хоть откуда. Места-то у вас какие! Красота, куда не повернись. Всё есть для безбедной, счастливой жизни.

- Правильно он рассуждает, Сергей, едрить его в душу. Сердце-то у него тоже болит о деревне. Только как вернуть людей на село? Чем их привлечь? Чем заманить? Вот главная проблема! Энтузиастов-то всех теперь изжили, о романтике наших времён и речи нет. Подсадили россиян на деньги, вот народец-то и измелчал, всеми правдами-неправдами стараются заграбастать этих ассигнаций побольше. И ведь стараются не честным трудом заработать, а ухватить как-нибудь, и где-нибудь, особенно там, где

плохо лежит. Срубить бабла побольше, как ныне говорят. Вот их цель. А ведь праведным трудом и жить легче, спокойнее, радостнее. Нет ничего на свете лучше, чем ощущать плоды своего труда. Сделаешь сам что-нибудь стоящее, согласишься на это творение - душа поёт, и ещё что-нибудь полезное сделать хочется. А им, нынешним, помешанным на деньгах, не понять этого. Вот это-то и печалит втройне. Измельчал, измельчал народец, едрить его в душу.

- Прав ты, дедушка, прав. Есть ведь у нас, куда руки работающие приложить можно. Глянь, какие огромные поля у нас пустуют? И сенокосы совсем запущены - расчисти и пользуй на здоровье. Главное, что все угоды под боком, бери сколько хочешь, сколько можешь осилить. Раньше за каждую полянку, за каждую поженку свободную страшная битва была, до кулаков дело доходило, косами друг на друга замахивались. Я ведь и то это время помню, пацаном тогда был.

- Слышал я, Сергей, от бабок наших, что с Мурмана несколько пар молодых пенсионеров сюда хотят вернуться. Не в курсе?

- Да что проку-то от них? Они там, на Северах, так измочалились, так надорвали здоровье, что не до работы им здесь. Зря ведь в Заполярье на пенсию досрочно не выведут. Всё из них уже выжато. Приедут, ну и что? Им наши 15 соток, что на приусадебный участок даётся, не осилить. Разве что кустов и плодовых деревьев насадят, да цветники разведут. Хотя в плане возрождения деревни и это не плохо. Но, всё-таки, в первую очередь нужны здесь крепкие хозяйства, семьи-труженики.

- Так, так оно, Серёжа должно быть, только ведь от нас с тобой мало что зависит.

- Не скажи, Никанорыч, и от нас зависит кое-что. Я вот, например, зиму перекантуюсь у Мошкина в лесосеке, подзаработаю малость. А весной планирую на землю основательно садиться. Скорее всего откормом молодняка займусь. Думаю, пойдёт дело неплохо. Слышал я речь одного ресторатора в райцентре о качественном мраморном мясе. Оно очень высоко ценится и буквально нарасхват. Есть такая порода особая крупного рогатого скота, очень устойчивого к северному климату. Не надо им даже зимой никаких помещений, не замёрзнут. Огородить территорию, сделать навес над кормораздачей, чтобы снегом не заметало, оборудовать подход к речке для водопоя - вот и всё. Летом с пастбищем вопрос решить, что не проблема при наших-то масштабах. Да ещё Андрей

Иванович говорил, что государство обещает поддержку начинающим хозяевам через какие-то программы, фонды, гранды. Чем не стимул, для старта. Через рекламу хотят привлечь на село молодые семьи. Карандашев пообещал, если будут отклики, если молодёжь решится на переезд, он в первую очередь будет направлять их к нам. Так что, дедо, отчаиваться не будем. Будем жить!

- Это всё ладно, но это будущее, пусть и ближайшее. Давай-ка подумаем о дне текущем. Бабоньки просят родничок у деревни расчистить, колоду заменить или подлатать, да и там же место для полоскания белья углубить да расширить, да настил новый изготовить. Когда мы ещё до стиральных-то машин доживём. А стирать-полоскать нужно регулярно. Давай-ка завтра этим делом и займёмся, доски у меня в запасе имеются.

* * *

Сентябрьскую пенсию почтальонка принесла опять же с задержкой - 25 числа. Но зашла она отчего-то не в дом к Шуре-медичке, как обычно, а почему-то к соседке её - Марфе.

Недоумевающие старушки потянулись к соседской избушке.

- Ты чего это, Настасья, едрить твою душу, сменила место дислокации? Мы уж привыкли получать свои кровью и потом заработанные денежки у Егоровны.

- Я на Марфины пироги пошла, уж больно хороши у неё картонушки получаются, из самой свежей картошечки, да на ржаной муке. Я так их люблю. Решила сегодня у неё почаёвничать. А то всё у Шуры, да у Шуры, как-то неловко получается, вроде как объедаю её.

- Что ты, милая, что ты, объедает она меня, видите ли. И не стыдно тебе, Настя, такое говорить, - обиделась тётя Шура. - Только как мне тебя понимать? Мне ты всегда говорила, что любишь пирожки с грибами, да с мясом. А тут о картонушках речь ведёшь?

- А я сегодня и не пекла ничего, не ждала гостей, - призналась Марфа, чем тебя угощать-то буду? Ай-я-яй.

Лицо почтальонки налилось краской. Заметив её смущение, Никанорыч легонечко толкнул Егоровну, и кивнул головой в сторону её дома, скривив при этом своё лицо так, что все присутствующие бабушки поняли - всё дело в Сергее.

- А где у тебя сегодня квартирант? - спросила Евдокия, - не видать

его что-то.

- В последнее время посвободнее с работами-то стало, так ежедневно на рыбалку ездить стал. И ведь неплохо привозит. Во всём ловок мужик, прямо, руки у него золотые.

- Не только руки у него золотые, едрить твою душу, а и голова у него умнейшая. Вообще нет ему цены. Бабу бы ещё хорошую подыскать для него, - подмигнул старушкам Никанорыч и аккуратненько, незаметно для почтальонки, указал пальцем на Настю.

Поняв, что намёк направлен в её сторону, Настасья зарделась ещё больше, заёрзала на стуле и трясущимся голосом сказала, как отрезала: "Не мешайте работать! Мне же деньги считать надо!" Закончив выдачу, схватила сумку и направилась на выход.

- А чаю-то попить, Настя! - крикнула Марфа.

- Некогда мне, тороплюсь, дети из школы уже пришли, сами-то и поесть забудут.

- Так Серёжа сейчас подъедет с рыбалки, увезёт тебя, - похоже не ко времени и не к месту, по простоте своей предложила Егоровна. И тут же одумавшись, что неладно ляпнула, прикусила с досады губу.

- Не нуждаюсь я в Серёжиных услугах, - надрывно в ответ бросила почтальонка и выскочила на улицу.

Старушки понятливо переглянулись, а Никанорыч, который всегда оказывался правым, подвёл черту под сложившейся ситуацией: "Да-а-а, втюрилась девка в Серёгу, едрить её душу."

* * *

- Неожиданное безделие стало угнетать Судакова. До сих пор он всё время был при трудах праведных, а тут, на тебе: оказывается в доме уже всё на сегодня необходимое сделано-переделано, вроде как, ложись, да и отдыхай. Не по нутру это Сергею Михайловичу, сродни как у ребёнка любимую игрушку отобрали.

- Ну, день отдохнул, ну - два, а дальше-то что? - думал он. Организм требовал активных действий. Что-то нужно предпринимать.

На третий день поехал к Карандашеву.

- С ума сойду, Андрей. В Ольховке всё уладил-уделал. У тётки Шуры просьб больше никаких нет. Руки чешутся, работы требуют. Подскажи, чем заняться. Не могу сидеть без дела.

- Какой же ты неугомонный. Пока свободен, может устройством

личной жизни займёшься? Плохо ведь без семьи-то жить. Мужик постоянно должен о ком-то заботиться, о самых близких. А ты, как бирюк, только себе, да для себя. А много ли тебе одному-то надо? Вот дурью и маешься. Тётя Шура тут не в счёт. Что нужно было, ты для неё всё сделал. А она, ещё до твоего появления в Ольховке, уже привыкла к одиночеству. И ей, на данный момент, поддержка пока ничья не нужна. А в отличие от тебя, у неё есть о ком заботу проявить. И в первую очередь о тебе любимом. К тому же, насколько я знаю, у вас там теперь корова появилась, да и поросёночка прикупили. Вот она этими заботами и живёт. Жениться тебе надо, Сергей, надевать семейный хомут. Иначе пропадёшь, или куда-нибудь тебя не туда заведёт-забросит. А будет ярмо на шее, враз найдёшь и что делать, и чем заниматься.

- И ты туда же. Совсем достали. Да меня с этой женитьбой уж все ольховские старушки поедом едят. Предлагают-нахваливают то одну женщину, то другую. Думают я роюсь, выбираю их, кочевряжусь, как говорится. А сами не понимают: ну куда же я жену-то приведу? У меня своего-то нет ничего, ни кола, ни двора. К Александре Егоровне? Да и вообще, какая путная в Ольховку поедет? Ведь у нас там даже электричества нет. О чём можно речь вести? А в приёмки, хоть в Троицкое, хоть в райцентр я не пойду, а почему, сам знаешь. Да, честно говоря, ни к одной из известных мне дам, я никаких симпатий не испытываю. Давай этот разговор отодвинем на годик-другой. Подскажи лучше, где мне можно подработать-подкалымить, пока зима не наступила, и пока Мошкин меня к себе не позвал.

- Здесь точно ничего подходящего нет. А вот в Подмосковье собирается ехать наша бригада шабашников. Там, похоже, им два дома на дачных участках предлагают то ли собрать уже готовые, то ли заново срубить. Во всяком случае, как они сами мне говорили, весь материал уже завезен. Эта бригада там нарасхват, ценят их, они уже туда лет шесть-семь ездят. И, кстати, деньги неплохие привозят. Лучшего, по-моему, и искать-то тебе нечего. Слышал, приболел у них кто-то из бригады, вроде Вася Котельников, причём серьёзно. Я могу поговорить с их бригадиром, Володей Беляковым, знаешь, наверно, его, он на два года позднее нас школу кончал. А то пойдём вместе, он дома, видел я его уже сегодня. На месте и перетолкуем. Взвесишь все за и против, они тебя, конечно, тоже проверят на профпригодность, тогда уж и в путь-дорогу. А то и

впрямь, зачахнешь здесь от безделья.

* * *

Домой с заработков из-под Красногорска Судаков вернулся как раз под первые морозы. Рабочие Мошкина усиленно занимались проминкой дорог в отведенные делянки. В пору было уже начинать и зимнюю лесозаготовку. Ни дня не довелось отдохнуть новоявленному вальщику. Пришлось сразу же впрягаться в производственный процесс. Александра Егоровна вздыхала: "Пожалей себя, Сергей, ведь не дело это без передыху ломить и ломить, гляди, не наджабрысь. Любому организму отдых-покой нужен, а ты робишь и робишь, уже полгода без выходных и проходных."

Бригады рабочих из Троицкого на лесосеку и обратно доставлялись автобусом. Судакову совсем не резон, да и тяжковато после тяжёлой работы было вечером идти на ночлег в Ольховку, а рано утром возвращаться обратно к автобусу. Пришлось Сергею договариваться с Иваном Ивановичем о том, что в течение недели он будет ночевать в недавно привезённом новеньком обогревательном домике с печкой-буржуйкой, столом и лавкой для ночлега, непосредственно в лесосеке, а выезжать домой только в субботу - в банный день. С вечера он затаривал водомаслогрейку дровами, поддерживая её в нужном температурном режиме, носил воду, пилил и колол дрова для столовой, а поутру затоплял печку-плиту. К приезду рабочих уже всегда был готов горячий чай. Все были довольны: и повара, и лесозаготовители, и сам Мошкин, которому, ко всему прочему, не нужно было нанимать сторожа. А дополнительная за это оплата Судакову тоже лишней не была.

* * *

Как-то незаметно подкрался, пришел на землю Новый год. В последний, сокращённый трудовым законодательством рабочий день 30 декабря, вечером Судаков заглянул в заполненный сельчанами магазин в Троицком. Хотелось каким-нибудь подарком хоть раз порадовать Александру Егоровну и Ивана Никаноровича, за всё то доброе, хорошее, что они для него сделали, за то что помогли ему в самую трудную минуту его жизни. С дедом вопрос решился просто - подобрал нужного размера тёплую не марковитую

хлопчатобумажную рубашу. А что ещё можно придумать для старика? Различные фитюльки ему не требуются, а нужно что-нибудь домашнее, существенное. А вот как быть с тётёй Шурой? Увидев, как к прилавку подошла Настя, он решил посоветоваться с ней. Поздоровались. Сергей уловил её настороженный взгляд, но тем не менее, всё же попросил её посодействовать в выборе новогоднего для бабушки сюрприза.

- Помоги подарок Егоровне выбрать.

- Затрудняешься?

- Да как-то непривычно, давненько ведь я никого не одаривал.

Совсем отвык от такого мероприятия. Тем более, что она в весьма серьёзном возрасте.

- Купи вон тот полушалок, я думаю ей он очень понравится.

Дело за небольшим. Протиснулся к прилавку, купил, что требовалось, расплатился. На улице остановился в ожидании выхода почтальонки.

- Настёна, а это тебе, - протянул он ей коробочку с духами.- Уж и не знаю, понравятся ли они тебе, я ведь вкуса твоего не знаю. Взял, какие подороже.

- Ну зачем, зачем ты это сделал? Не стоило на меня тратить. Кто я тебе? Простая почтальонка, самая обыкновенная женщина, каких здесь много.

- А я тебе, как самому лучшему, ответственному почтальону дарю, а не как ближней родственнице.

- Опять остришь. Чем так издеваться надо мной, лучше ко мне больше вообще не подходи. Никогда.

- Настя, не обижай меня, прими. Я же тебе от всего сердца дарю. От всей души. Извини, что опять так неосторожно высказался. Пойми меня, как я за той проклятой "колючкой" мог научиться этикету. Ведь целых восемь лет я ни от кого добрых слов не слышал. Да и сам никому не говорил, там некому было. Прости меня, пожалуйста, если можешь. Ох, уж эта проклятая зона, всё ещё даёт о себе знать! И забудь, пожалуйста, тот инцидент, что с нами летом приключился. Не хотел я тебя тогда обидеть, просто ты меня неправильно поняла. Да-а-а, как огрубел я, будучи в заключении!

- Мир! - резко протянул он ей руку для обоюдного пожатия, не давая ни секунды ей, чтобы опомниться. Даже сам не ожидал от себя такой прыти.

Её ладошка самопроизвольно потянулась к его ладони.

Рукопожатие состоялось.

- Ми-и-р, - прошептала она.

- Ну, вот и слава богу. Знаешь, Настя, приходи-ка ты завтра к нам в Ольховку со своей семьёй. Вместе Новый год встретим. А уж как Егоровна всем нам рада будет. Ведь и меня-то она теперь только в банный день видит. Я все дни и ночи у Мошкина на работе. Не зря говорят, что я бирюком стал. А я ведь на самом-то деле не такой. Правда, мне ещё отойти от всего прошлого надо, оттаять. Может ты мне поможешь? Вы, женщины, ведь умнее нас в этих вопросах, и мудрее. Знаете, как отогреть, растопить душу нашего брата.

- Опять бахвалишься?

- Нет-нет, Настя, я абсолютно серьёзен. Честное офицерское слово, в душе-то я ведь офицером остался, хотя меня из-за ЧП на корабле и уволили с флота.

- Знаю, наслышана я о твоей персоне. Мне всё о тебе уже известно. Рассказывают и то, что не жалеешь ты себя в работе. Только вот зачем тебе это всё надо. Деньги? Много денег? Ведь за год такой жизни изломаешь себя, надорвёшься. А что потом? Только аптека, да больница. И кому ты такой больной да немощный нужен будешь?

- Настя, прошу тебя, приходите в Ольховку, вот там и поговорим обо всём. Я ведь в эти лесные ночи часто о тебе думаю.

- Может лучше ты к нам придёшь? Захотят ли дети к вам тащиться? В Ольховке ведь ребятни никакой нет. Среди стариков им не интересно будет. Тем более, что у них школьный бал-маскарад на 31-е число назначен. Они ждут его.

- Понял, понял.

- Перед дорогой-то может зайдёшь к нам, чаем напою. Могу что и покрепче налить.

- Чем покрепче, Настя, завтра угостишь. Мне спешить надо, а то баня остынет. А я ещё с детства шибко жар люблю, парюсь до потери пульса, так у нас, кажется, принято говорить. Ну ладно, пойду, до завтра.

- Хорошо, буду, точнее будем ждать. Приходи завтра обязательно, желательно пораньше. С ребятами моими познакомишься.

* * *

Предновогодний вечер и вся новогодняя ночь прошли в добрых деловых разговорах, практически обо всём и вся. Главное -

обсудили своё будущее, и будущее своих (теперь уже своих) детей. Жить решили вместе. Приняли важное для обоих решение: организовать своё крестьянское или фермерское хозяйство, оформив необходимые документы на неё - Анастасию Борисовну Ветлугину. И, как говорят на флоте, "порт приписки" будет деревня Ольховка.